

УДК 130.2

Мария Алановна Хасиева,*кандидат философских наук,**Национальный исследовательский**Московский государственный**строительный университет**(129337, Россия, г. Москва, Ярославское шоссе, 26),**e-mail: HasievaMA@mgsu.ru***Концепция постмодернизма в философии метаболизма К. Курокавы**

Актуальность темы обусловлена значимостью направления метаболизма в архитектуре и градостроительстве XX века, а также её влиянием на современную философию урбанизма. Движение метаболизма стало одним из наиболее влиятельных направлений в архитектуре XX века, получивших международную известность. Определяющей особенностью этого направления является наличие в его основе своеобразной философии, не исчерпывающейся противостоянием функционалистскому подходу в архитектуре, открывающей новые перспективы современной урбанистики. Смыслообразующей идеей в движении метаболистов является размежевание эпох модернизма и постмодернизма в культуре, при этом в своих проектах представители метаболизма воплощали интенции постмодернистской архитектуры, определяя дальнейший путь её развития. Предметом исследования в данной статье является интерпретация концепции постмодернизма в работах одного из основных представителей движения метаболизма К. Курокавы. Используемые методы включают в себя описательную характеристику основных работ К. Курокавы, герменевтический и системный анализ данных текстов, изучение исследовательской литературы, посвящённой рассматриваемой теме. Основные результаты и выводы статьи касаются взаимосвязи традиций японской культуры и концепции метаболизма, проблемы рецепции и трансформации основных понятий философии постмодернизма в трудах метаболистов, а также выявления семиотических параллелей культуры европейского модернизма и японской культуры эпохи Эдо, выделяемых К. Курокавой в работе «Философия симбиоза».

Ключевые слова: К. Курокава, философия симбиоза, архитектура метаболизма, постмодернизм в архитектуре, эпоха Эдо, «эпоха принципа машин»

Введение. Актуальность рассматриваемой темы определяется значимостью концепции метаболизма в архитектуре и градостроительстве XX века, а также её влиянием на современную философию урбанизма. Сформировавшееся в конце 50-х – начале 60-х годов XX века в Японии движение метаболистов, во многом апеллировавшее к национальной культурной традиции, воплощает в себе в то же время универсальные интенции в архитектуре и дизайне, свойственные той эпохе и проявившиеся также в европейской и советской культуре. Сходные концепции, являющиеся альтернативой архитектурному подходу функционализма, зарождались и развивались на протяжении всей второй половины XX – начала XXI века, однако именно японское движение метаболизма обрело мировую известность и нашло реализацию в многочисленных зарубежных архитектурных проектах. Причины этого феномена кроются в социокультурном контексте развития архитектуры метаболизма в Японии: религиозно-философские установки и этнокультурные традиции определили особенности формирования и возможности распространения идей метаболизма в япон-

ской архитектуре. Важнейшим аспектом самоопределения метаболистов явилось разделение и противопоставление эпох модернизма и постмодернизма в архитектуре и культуре в целом. Определяя предпосылки своего творчества в эпохе постмодернизма, представители данного направления рассматривают основные характеристики и отличительные черты, свойственные данным эпохам. Целью данного исследования является определение сущности концепции постмодернизма в культуре в философии метаболизма на материале работ одного из основных представителей движения – К. Курокавы. В рамках постановки данной цели можно определить следующие задачи:

– в статье рассматривается позиция К. Курокавы в вопросе об этнокультурных предпосылках концепции метаболизма;

– выявляются основные пункты противопоставления модернистской и постмодернистской культуры в философской концепции метаболизма;

– рассматривается проблема рецепции и трансформации основных понятий философии постмодернизма в философских работах метаболистов;

– характеризуются основные семиотические параллели культуры европейского модернизма и японской культуры эпохи Эдо, выделяемые К. Курокавой в работе «Философия симбиоза».

Новизна данной темы обусловлена немногочисленностью системных исследований, рассматривающих роль движения метаболизма в контексте формирования постмодернистской концепции архитектуры, на русском языке. Среди работ, посвящённых метаболической концепции Курокавы, стоит отметить диссертационное исследование В. М. Бадлуевой «Интеграция японской национальной архитектуры в современное зодчество: на примере творчества К. Курокавы», в котором раскрывается преимущественно аспект воплощения национальной традиционной культуры в концепции метаболизма, а также статьи И. А. Добрицыной и А. Я. Зенкевича, характеризующие учение о симбиозе К. Курокавы в целом.

По теме исследования опубликованы также некоторые статьи на английском языке, в основном исследующие проблему с позиций теории архитектуры и урбанистики и лишь в незначительной степени затрагивающие проблематику философии города. В данной статье философский аспект концепции метаболизма исследуется на материале работ «Философия симбиоза», «Метаболизм в архитектуре» К. Курокавы.

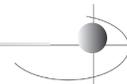
Основной понятийно-терминологический аппарат, используемый в статье, определяется программным содержанием концепции метаболизма. Ключевые понятия, которые выделяют представители направления – метаболизм, метаморфоза, симбиоз – описывают закономерности и механизмы существования биосферы и осознанно заимствуются авторами из сферы биологии. Само понятие метаболизма в японском языке эквивалентно слову *shinchintaisha*, предполагающему не только значение превращения и изменения с целью поддержания энергетического баланса живой органической структуры, т. е. сохранения *status quo*, но и значение обновления, восстановления. При этом обновление в данном случае не подразумевает полного уничтожения старого и возведения нового с самого основания, а скорее, постепенную и интегрированную замену старого новым, соотносимую с процессами развития и роста в живой природе. Здание и город рассматриваются метаболистами как живой организм, что подразумевало выделение стационарных и мобильных частей системы. Другим, не ме-

нее важным аспектом архитектурной концепции метаболизма является форма репрезентации технических элементов в здании при проектировании. В проектах метаболистов техническая инфраструктура здания – трубопроводы, воздуховоды – часто не скрывается в монолите конструкции и не маскируется декоративными элементами, что соответствует концепции «гуманизации техники», которая будет рассмотрена далее. Будучи автономными и подвижными, отдельные элементы конструкции при этом органично взаимосвязаны друг с другом, а всё здание в целом рецептивно по отношению к внешней среде.

В то время как понятие метаболизма было предложено ещё в 50-е годы XX века и стало нарицательным и смыслообразующим для общей концепции движения, термин «симбиоз» был сформулирован в более поздние годы в работах К. Курокавы. Сам Курокава отделял собственно метаболистский период в своём творчестве от момента рождения концепции симбиоза. Концепция симбиоза основывается, таким образом, на фундаментальных принципах метаболизма, но в некоторых аспектах выходит за пределы метаболистской философии, по-новому раскрывая и дополняя её. К подобным дополняющим чертам можно отнести отрицание симметричной структурированности за счёт признания ценности децентрализованных плюралистических моделей организации мира, стилистическую гибридизацию, целенаправленное смешение разнородных элементов в одном объекте. При этом и метаболизму, и концепции симбиоза одинаково чуждо стремление к монолитности и статичной перманентности здания.

Курокава неоднократно подчёркивал, что симбиоз подразумевает не только гармонию и согласованность, но и оппозицию, а также соперничество. Это понятие характеризует меняющуюся, но в то же время демонстрирующую устойчивость к факторам внешней среды систему сосуществования живых организмов.

Термин «метаморфоза» также появляется в работах Курокавы и описывает особенности восприятия человеком городского пространства: попадая в здание извне, человек проходит через переходное пространство атриума, фойе, подъезда, сеней, что можно соотнести с промежуточной стадией формирования законченного живого организма – личинкой, куколкой или яйцом. Периодизация мировой истории, представленная в «Философии симбиоза», предполагает про-

тивопоставление двух временных этапов: «эпохи машин» и «эпохи принципа жизни». Курокава говорит о периоде модернизма как о стадии индустриального общества, называя его «эпохой машин». Понятия «модернизм» и «постмодернизм» при этом трактуются им максимально широко, включая в себя как временную эпоху, так и определённые стадии – индустриальную и постиндустриальную – развития общества, совокупность черт материальной культуры и определённые типы коллективной ментальности, присущие этим периодам.

В целом европейская культура наделяется в его работах такими чертами, как антропоцентризм и иерархичность мышления, что противопоставляется фундаментальным установкам, на которых покоится философия метаболизма. Аристотеля, Канта и Декарта он называет основателями рационалистской, метафизической и дуалистической европейской философии. Своей задачей он видит опровержение данных установок. Характеризуя западную культуру как руководствующуюся в процессе осмысления мира принципами дуализма, рационализма и пуризма, Курокава заключает, что любые не поддающиеся классификации, структурированию многозначные элементы элиминируются в рамках данного подхода как иррациональные и ненаучные [11, с. 42]. Формулируя идею перехода от «эпохи машин» к «эпохе принципа жизни», Курокава ищет в западноевропейской философии концепции, опровергающие принципы традиционного рационализма, дуалистического параллелизма души и тела. В качестве таких свидетельств в творчестве представителей западной философии Курокава выделяет феноменологическую концепцию М. Мерло-Понти, понятие полилога в философии Ю. Кристевой, концепцию деконструкции и критику логоцентризма Ж. Деррида, понятие деструкции у М. Хайдеггера. Особый интерес он проявляет к номадологической концепции Делёза и Гваттари, выделяя три наиболее важных для собственной системы воззрений понятия: «ризом», «множественность» и «желающая машина» [Там же, с. 45].

В этом контексте весьма важной для определения сущности модернизма в философии метаболизма является культура Эдо. Курокава рассматривает японскую культуру данного периода в целом, а также исследует историю развития города, давшего название всей эпохе в целом. Обращаясь к наследию традиционной национальной японской культуры, он пытается определить его влияние и

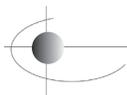
трансформацию в культуре Эдо. Устанавливая коннотации между культурой эпохи Эдо и модернистской культурой, Курокава переходит затем к проблемам современной культуры, исследуя понятие постмодернизма и формулируя его основные характеристики. В рамках решения задач исследования в статье затрагиваются ключевые темы, рассматриваемые в работах К. Курокавы во взаимосвязи с проблематикой постмодернизма: «Человек и техника», «Человек и природа», «Характерные черты европейской и японской культурной идентичности», «Историко-культурные предпосылки формирования постмодернистского дискурса в архитектуре».

Методология и методы исследования.

В статье используется комплексный методологический подход. Методика исследования включает в себя как описательную характеристику философской концепции К. Курокавы, так и элементы герменевтического анализа некоторых понятий, встречающихся в его работах, сравнительное изучение текстов работ представителей метаболизма. Написание статьи предваряло также ознакомление с исследовательской литературой, посвящённой данной проблематике.

Основная гипотеза исследования касается осмысления культурфилософской основы архитектуры метаболизма. Гипотеза исследования заключается в том, что коннотации между понятием постмодернизма и концепцией симбиоза, выстраиваемые в работах К. Курокавы, определяются стремлением автора найти решение проблем взаимодействия человека и техники, возникших в культурном дискурсе европейского модернизма, в области национальной японской культуры. При том, что концепция К. Курокавы построена на противопоставлении традиционных национальных японской и европейской культур, он признаёт, что современный архитектурный дискурс обнаруживает явные тенденции к стилевой унификации на международном уровне, т. е. сглаживанию внутри одного архитектурного стиля специфических национальных черт. Это, очевидно, связано с процессами культурной глобализации. Концепция метаболической архитектуры развивалась изначально как интернациональный стиль архитектуры будущего. В этой связи представляется важным определить наличие и характер этнокультурных предпосылок постмодернистской архитектуры в трактовке метаболистов.

Стереотипность оценки европейской и японской культур, предлагаемой К. Курока-

вой, даёт основания говорить о некоторой этноцентричности его концепции, в особенности это касается его рассуждений о связи между буддийским религиозным учением и концепцией симбиоза: понятие антропоцентризма, характеризующего европейскую культуру, он определяет через индивидуализм и персоналистичность, закрепляя тем самым оппозицию между европейской и японской культурами, японскую же культуру характеризует через понятие гуманистичности.

Концепция симбиоза рождается в творчестве Курокавы в русле профетических размышлений о развитии современной культуры и воплощает, по его замыслу, интенции архитектуры будущего. Постмодернизм Курокава склонен характеризовать как период решения проблем, появившихся и тяготевших над человечеством в «эпоху машин». При этом весьма показательной чертой его концепции является то, что центральная движущая сила, инициирующая изменения материальной культуры, рождение новых стилей в архитектуре и искусстве, соотносится в большей степени со сферой мировоззренческих ориентаций, чем с факторами природной среды, такими, как географическое расположение, климатические условия и т. д. Признавая их роль в этом процессе, Курокава, тем не менее, склонен уделять больше внимания проблемам реализации в материальной культуре моделей человеческого сознания. Курокава усматривает неразрывную взаимосвязь между развитием сознания индивида и культуры в целом. Ссылаясь на высказывание Рене Жирара, определившего сущность общества и культуры как структуру, закрывающую саму себя, Курокава переносит эти механизмы на процесс взросления индивидуального человеческого сознания: после вхождения во взрослую жизнь защитные инстинкты заставляют человека избирательно принимать информацию, отвергая то, что представляется ему неприемлемым, неудобным или опасным. При этом процесс взросления обретает парадоксальную двойственность: по мере взросления человек всё в большей степени становится склонным избегать гетерогенности и амбивалентности в мышлении, однако столкновение с неоднородностью и изменчивой хаотичностью реальной жизни, по сути, является необходимым для достижения подлинной зрелости в психической жизни [11, с. 68].

Развитие культуры определяется, таким образом, неразрывной взаимосвязью трёх факторов: социально-экономического раз-

вития общества, исторически сложившегося этнокультурного контекста, и, наконец, сферы индивидуального сознания. При этом Курокава уделяет очень много внимания определению способов взаимодействия человека с природой в различных культурах. Природа не является абсолютизированной реальностью, предустановливающей определённым образом сознание человека. Человек сам выбирает способы её восприятия и коммуникации с ней. Так, рассматривая проблему пространства в европейской и японской культурах, Курокава заключает, что японское сознание склонно характеризовать пространство свойством протяжённости, в то время как в западном мире пространство наделяется в большей степени свойством дискретности. Стереотипная характеристика западной архитектуры как противостоящей природе и японской архитектуры как гармонично сочетающейся с ней обретает здесь особый смысл: материалы, исконно используемые в японской архитектуре – древесина, тростник, рисовая солома, – более естественны и гораздо менее долговечны, чем каменное строительство в европейских странах. В японской архитектуре выражено стремление к интеграции внешнего и внутреннего пространства, а стена не воспринимается как монолитный и непроницаемый барьер, ограждающий человека от внешнего мира. В архитектурных проектах представителей метаболизма находят явное выражение такие черты, как незавершенность, разомкнутость и открытость внешнему миру. Это, по мысли Курокавы, определяется наследием традиционной национальной японской культуры.

Результаты исследования и их обсуждение. В «Философии симбиоза» Курокава выстраивает две смысловые параллели: отношения человека и природы и отношения человека и техники, через них характеризуя эпохи модернизма и постмодернизма в культуре. Постоянно сопоставляя общество эпохи Эдо и современное общество «эпохи машин», Курокава отмечает такие закономерные процессы, как стандартизацию, гомогенизацию социальной среды, а также взаимное отчуждение её индивидов. Тем не менее, он также указывает на то, что сегодня человеческая природа оказывается как никогда ранее близкой сфере техники. Техника в западной культуре изначально развивалась в служении прихотям человечества, удовлетворении его appetitов, всё более возрастающих с развитием материальной цивилизации. При этом процесс бесконечного удовлетворения запро-

сов, неизбежно способствующий порождению всё новых потребностей и желаний, не несёт в себе подлинного решения проблем человечества и оборачивается против него самого. Таким образом, техника обращается против своего создателя. В этом размышлении обнаруживаются явные коннотации с понятием «машина желаний Делёза».

В понятие «ризома» в данном случае вкладывается не только характеристика беспорядочно переплетённой, не разделённой на определенные части структуры – корневище как антитезис дерева – но и живой, подвижной изменчивости. «Машина желаний» определяет саму суть его оценки модернистского этапа культуры и в большей степени относится к европейской цивилизации. С одной стороны, развитие техники способствовало культивации витального антропоцентризма, с другой – привело к отчуждению человека от собственной природы.

Вспоминая руссоистский призыв возврата к природе, отделения от цивилизации, развращающей изначально добрую природу человека, Курокава заключает, что европейскому миропониманию свойственно представление о дуалистическом выборе между научно-техническим развитием и сохранением первозданной сущности человеческой природы [11, с. 86]. Традиционная трактовка человеческого естества, расположенного на стыке природного и культурного, тесно связана с оппозицией телесного и духовного, характерной для европейской ментальности. Курокава видит альтернативный путь восприятия этой в философии «гуманизации технологии». Эта концепция воплощается в его собственных архитектурных проектах и находит отражение в слогане «чайная комната в космическом шаттле» [Там же, с. 156]. Сохранение древних народных традиций и сочетание их с инновационными технологиями и достижениями в научно-технической сфере обеспечивает снятие извечной антиномии европейской культуры.

Подобный модус отношений человека и техники свойственен именно периоду модернизма, или «эпохе машин». Характеризуя модернистскую культуру, Курокава обращается к культуре Эдо. Он выделяет основные принципы организации городской среды Эдо, сопоставляя их с особенностями культуры европейского модернизма: чрезвычайно высокая плотность населения, его смешанный и разнородный состав, неуклонно возрастающая численность, составлявшая в XVIII веке более миллиона жителей, и явственно выра-

женная урбанизация – определяют, по мнению философа, средневековый Токио как одно из первых мест, где рождается массовая культура, трансформировавшаяся в рамках урбанизированного пространства и отделённая от исконно фольклорных истоков. Особый статус в этом контексте обретает понятие вымысла. Тесное переплетение реалистического и вымышленного сближает японское искусство периода Эдо с европейским искусством эпохи модернизма. Другим аспектом, объединяющим, по мнению Курокавы, культуру эпохи Эдо с современной массовой культурой, является создание идеала, лишённого специфических черт феминного или маскулинного облика. В культуре Эдо рождается новый тип эстетического сознания, где человек занимает лабильное и трансгрессивное положение по отношению к своим социальным и гендерным ролям.

Важной особенностью культуры Эдо является смешение и комбинирование технического и человеческого содержания жизни городского пространства. В отличие от западной цивилизации, противопоставляющей сущность техники человеческой природе, в японской культуре эти элементы не антиномичны, а, напротив, тесно переплетаются и представляют собой органичный синтез.

Исторически в Японии технологии, по мнению Курокавы, являются не противоположностью человеческой сущности, а её продолжением. Этот специфический модус отношения к технике Курокава подробно рассматривает на примере механических кукол каракури. В эпоху Эдо принцип, лежащий в основе конструирования кукол, активно использовался также при создании автоматического механизма для смены декораций в театре кабуки. Курокава подчёркивает, что главная особенность конструкции каракури заключалась в том, что внутренние механизмы, обеспечивающие движения куклы, были тщательно спрятаны от глаз наблюдателя, что создавало эффект чуда и загадки, сама же кукла весьма искусно имитировала человеческий облик. По мнению Курокавы, очеловечивание техники делает её более привлекательной, в сравнении с неприукрашенным и открытым способом её репрезентации в западной культуре. В то же время техника в таком понимании априори лишена негативных коннотаций, а значит, нет нужды ограждать её и отделять от пространства человеческой повседневности.

Архитектура эпохи Эдо эклектична по своей природе. Курокава связывает эту «ги-

бридность» стилистического облика архитектуры и искусства Эдо с сущностью самой японской культуры, которая изначально зародилась как синтез разнородных культур. Эта гибридизация, по его мнению, достигла своего пика в эпоху Эдо. Позднее, с распространением прозападных ориентаций, в японской культуре эта эклектичность осознанно воссоздавалась архитекторами-японцами как комбинирование исконных этнокультурных ценностей и прогрессивных западных привнесений. Архитектурная концепция «восточно-западных гибридов» была популярна в Японии долгое время. Идея стилевой гибридизации, не как комбинирования разнородных элементов, а как непосредственного их слияния, означавшего упразднение какого бы то ни было архитектурного ордера или канона, присуща также концепции симбиоза.

Курокава констатирует тенденции к принятию в японской культуре европоцентристских ориентаций, одновременно заявляя о необходимости обращения к собственной этнокультурной самобытности. «Эпоха машин», таким образом, в интерпретации Курокавы становится в человеческой истории периодом засилья европоцентристских установок миропонимания. Термин «модернизация», неоднократно используемый в работах Курокавы, преимущественно обозначает процессы, связанные с вестернизацией.

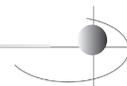
Курокава подробно разбирает понятие «постмодерн» у Ж. Ф. Лиотара, рассматривает основные принципы постмодернистской архитектуры, сформулированные Чарльзом Дженксом: семиотическую многослойность (мультивалентность) архитектурного ландшафта, стилистическую гибридизацию, появление специфического «языка архитектуры», тенденцию к метафорической репрезентации и аккумуляции в себе смыслов, намеренную «шизофреничность» городской архитектуры, воплощение в урбанистическом пространстве ценностного плюрализма [11, с. 435].

Задачей ведущих архитекторов-модернистов – Ле Корбюзье, ван дер Роэ – он видит активное отрицание, бунт против устоявшихся канонов историзма в архитектуре, направленного на воспроизведение и переработку стилей предыдущих эпох. Функционализм в этом смысле явился революционным отрицанием прежнего подхода в архитектуре. Период постмодернизма же с этой точки зрения является временем созидания новых подходов, поиска нового пути развития в архитектуре, взамен отвергнутого модернистским бунтом.

Курокава выделяет разрыв между модернизмом и постмодернизмом не только в архитектуре, но и в культуре в целом: он касается процессов, протекающих в науке, литературе, искусстве и, что ещё более важно, рассматривает тип коллективной ментальности, свойственный данному периоду. При этом архитектуру модернизма он склонен рассматривать как результат и естественное продолжение стилевой традиции прошлых эпох. Ренессансный антропоцентризм определял архитектуру как воплощение апофеоза человеческого могущества. Однако подобная абсолютизация человеческой роли в мире приводит к воссозданию обезличенного и идеального, абстрактного образа человечности в западной архитектуре. Пространство европейских общественных зданий – холлы и фойе – потрясают своими масштабами, однако это действует на индивидуальное сознание подавляюще. Стремление учитывать индивидуальность и приватность жизни людей, по мнению Курокавы, проявляется в постмодернистской архитектуре. Подобное восприятие европейской архитектуры, впрочем, представляется нам чересчур односторонним: в европейской культуре также можно проследить тенденции культивации сферы личного, приватного. В дизайне, живописи и архитектуре примером тому может служить стиль бидермейер.

Семиотическая мультивалентность, многослойность городского пространства в постмодернизме дополняются стиранием границ между сакральным и профанным, децентрализацией в проектировании городов. Понятия части и целого интерпретируются в постмодернистской культуре совершенно иначе. Оптимально сбалансированное сочетание тенденций централизации и децентрализации, по мнению Курокавы, воплощается в модели холона, предложенной А. Кёстлером. Осознание холархического принципа организации мира, в том числе систем человеческого организма, непрерывно меняющегося, являющегося собой симбиоз старения – умирания – регенерации, взаимного перехода жизни и смерти – побуждает человечество искать новые способы взаимодействия с окружающей средой и восприятия человеческой природы.

Заключение. Прибегая к рассмотрению понятий модернизма и постмодернизма, индустриального и информационного общества, К. Курокава определяет предпосылки возникновения концепции симбиоза. На основании анализа текстов произведений К. Ку-

рокавы можно сформулировать следующие характеристики философии симбиоза:

– Подробно рассматривая японскую культуру с одной стороны, как прошедшую в своём развитии сходные с европейской культурой стадии, а с другой – как более гармоничную в решении вопроса о взаимоотношениях человека, природы и техники, Курокава утверждает уместность определения японской культурной традиции как основы концепции симбиоза.

– Основным смысл противопоставления культуры модернизма и постмодернизма заключается в представлении постмодернистского периода как более зрелого этапа развития коллективной ментальности, на котором и формируются предпосылки концепции симбиоза. Являясь дополняющей и наследующей по отношению к направлению метаболизма, концепция симбиоза устремлена в будущее, черпая свои основы в постмодернистском культурном дискурсе.

– Обращение к эпохе Эдо как к своего рода «золотому веку» японской культуры имеет большое значение для определения концепции симбиоза: основные принципы философии симбиоза – эклектичность, специфическая трактовка взаимоотношений человека и природы, ризоматическое отрицание иерархической и симметричной структурной организации мира – находят своё начало в национальной японской культуре и религиозной традиции. Эпоха Эдо в представлении

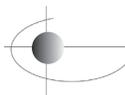
К. Курокавы выступает своего рода периодом аккумуляции и переосмысления национальной культурной самобытности, одновременно воплощая в себе многие характерные черты европейского модернизма.

– Постмодернизм в понимании Курокавы выступает периодом переосмысления ценностей западной культуры, когда вектор развития европейской цивилизации меняется. При этом в условиях культурной и социально-экономической глобализации проблема определения пути дальнейшего развития становится общечеловеческой и может предполагать единое решение. Концепция симбиоза, таким образом, представляет собой любопытный сплав разнородных идей, с одной стороны находя своё обоснование в буддийском вероучении, с другой – восходя к базовым понятиям постмодернистской европейской философии.

Несмотря на некоторые стереотипность и безапелляционность сравнительной характеристики европейской и японской культур, рассмотренные работы К. Курокавы открывают весьма важные для современной культурологии и философии урбанизма вопросы, представляющие интерес для дальнейших исследований: влияние этнокультурных особенностей стран и регионов на выбор стратегии развития современных городов, значение концепции метаболизма для формирования органического стиля в архитектуре и закладывания принципов экоархитектуры.

Список литературы

1. Бадлуева В. М. Интеграция японской национальной архитектуры в современное зодчество: на примере творчества Курокава Кисё: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. М., 2009. 204 с.
2. Буддизм в Японии / отв. ред. Т. П. Григорьева М.: Наука, 1993. 704 с.
3. Введение в буддизм / под ред. В. И. Рудого. СПб.: Лань, 1999. 384 с.
4. Гудкова Т. В. Черты модернизма, японского традиционализма и современной японской архитектуры (50–70-х гг.) и их проявление в архитектуре минимализма // Ползуновский вестник. 2013. № 4. С. 62–65.
5. От постмодернизма – к нелинейной архитектуре: архитектура в контексте современной философии / сост. И. А. Добрицына. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 416 с.
6. Зенкевич А. Я. Традиции и современность в творчестве Кисё Курокавы // Архитектура Запада. Т. 4. Модернизм и постмодернизм, критика концепций. М.: Стройиздат, 1987. С. 124–134.
7. Курокава К. Архитектура симбиоза // Архитектура СССР. М.: Стройиздат, 1984. № 5. С. 109–113.
8. Курокава К. Философия симбиоза – переход от эпохи машин к принципу жизни // К архитектуре XXI века: сб. науч. ст. РААСН / под ред. В. С. Егерева. М.: РААСН, 2002. С. 34–39.
9. Лазарев Г. З. Из истории японского жилища // Советская этнография. 1972. № 1. С. 73–84.
10. Kurokawa K. Metabolism in architecture. London: Studio Vista, 1977. 208 p.
11. Kurokawa K. Each One a Hero: The Philosophy of Symbiosis / transl. from Jap. Tokyo: Kodansha International Ltd., 1997. 543 p.
12. Kurokawa K., Kikutake K. Metabolism: The Proposals for New Urbanism. Tokyo, 1960. 44 p.
13. Mulligan M. Kiyonori Kikutake: Structuring the Future [Электронный ресурс] // Places Journal. 2015. November. Режим доступа: <https://www.doi.org/10.22269/151102> (дата обращения: 20.01.2018).
14. Tomoko Tamari. Metabolism: Utopian Urbanism and the Japanese Modern Architecture Movement // Theory, Culture and Society. 2014. Vol. 31, is: 7–8, Pp. 201–225.

15. Wendelken C. Putting metabolism back in place: the making of a radically decontextualized architecture in Japan. *Anxious modernisms: experimentation in postwar architectural culture* / ed. by Sarah Williams Goldhagen and Réjean Legault. Cambridge, Mass: MIT Press, 2000. 335 p.

Статья поступила в редакцию 25.02.2018; принята к публикации 20.03.2018

Библиографическое описание статьи

Хасиева М. А. Концепция постмодернизма в философии метаболизма К. Курокавы // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 3. С. 75–83.

Maria A. Khasieva,

Candidate of Philosophy,

*National Research University Moscow State University
of Civil Engineering, Department of History and Philosophy
(26 Yaroslavskoye sh., Moscow, 129337, Russia),
e-mail: HasievaMA@mgsu.ru*

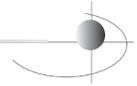
The Concept of Postmodernism in K. Kurokawa's Philosophy of Metabolism

The topicality of this theme is determined by the importance of the Metabolism concept for architecture and urban planning of the 20th century, as well as its influence on the modern philosophy of urbanism. The distinctive feature of The Metabolist movement is that it is based on the original philosophical concept, which is not just the opposite of the functionalism in architecture. The essential idea of the Metabolism movement is the contradistinction of the epochs of modernism and postmodernism in culture, and the metabolism architecture embodied the post-modernistic tendencies. The subject of consideration in this article is the essence of the postmodernism in the philosophy of metabolism. The methods of the research include a descriptive overview of Kurokawa's works, the analysis of the texts in K. Kurokawa's works, the review of the research literature devoted to this topic. The main conclusions of the article concern the correspondence between the traditional Japanese culture and the concept of metabolism, the reception and transformation of the basic notions of the postmodernistic European philosophy in the works of metabolists, the comparison of the European modernistic culture and the Japanese culture of the Edo period in K. Kurokawa's works.

Keywords: K. Kurokawa, philosophy of symbiosis, architecture of metabolism, postmodernism in architecture, the Edo epoch, the epoch of the Machine principle

References

1. Badlueva, V. M. Integration of Japanese national architecture into modern architecture: the example of creativity of Kurokawa K. Cand. sci. diss. Moscow, 2009. (In Rus.)
2. Buddhism in Japan. Ed. by Grigoryeva, T. P. Moscow: Nauka, 1993. (In Rus.)
3. Introduction to Buddhism. Ed. by Rudoy V. I. St. Petersburg: Lan, 1999. (In Rus.)
4. Gudkova, T. V. Features of modernism, Japanese traditionalism and modern Japanese architecture (the 50s-70s) and their manifestation in the architecture of minimalism. *Polzunovsky Vestnik*, no. 4–1, pp. 62–65, 2013. (In Rus.)
5. Dobritsyna, I. A. From Postmodernism to Nonlinear Architecture: Architecture in the Context of Modern Philosophy. Moscow: Progress-Tradicia, 2004. (In Rus.)
6. Zenkevich, A. Ya. Traditions and modernity in the works by Kisho Kurokawa. *Architecture of the West*. T. 4. Modernism and postmodernism, criticism of concepts. M: Stroiizdat, 1987: 124–134. (In Rus.)
7. Kurokawa, K. Architecture of symbiosis. *Architecture of the USSR*. M: Stroiizdat, no. 5, pp. 109–113, 1984. (In Rus.)
8. Kurokawa, K. Philosophy of symbiosis – the transition from the era of machines to the principle of life. Towards the architecture of the XXI century: *Sat. scientific articles RAASN*. Ed. B. C. Egereva. M: RAASN, 2002:34–39. (In Rus.)
9. Lazarev, G. Z. From the history of the Japanese dwelling. *Soviet ethnography*, no.1, pp. 73–84, 1972. (In Rus.)
10. Kurokawa, K. *Metabolism in architecture*. London: Studio Vista, 1977. (In Engl.)
11. Kurokawa, K. *Each of the Hero: The Philosophy of Symbiosis*. Transl. from Jap. Tokyo: Kodansha International Ltd., 1997. (In Engl.)
12. Kurokawa, K., Kikutake, K. *Metabolism: The Proposals for New Urbanism*. Tokyo, 1960. (In Engl.)
13. Mulligan, M. Kiyonori Kikutake: Structuring the Future. *Places Journal*, nov. 2015. Web. 20.01.2018. <https://doi.org/10.22269/151102> (In Engl.)

14. Tomoko Tamari. Metabolism: Utopian Urbanism and the Japanese Modern Architecture Movement. Theory, Culture and Society. London, Sept., vol. 31, issue: 7–8, pp. 201–225, 2014. (In Engl.)

15. Wendelken, C. Putting metabolism back in place: the making of a radically decontextualized architecture in Japan. Anxious modernisms: experimentation in postwar architectural culture. ed. by Sarah Williams Goldhagen and Réjean Legault. Cambridge, Mass: MIT Press, 2000. (In Engl.)

Received: February 25, 2018; accepted for publication March 20, 2018

Reference to the article

Khasieva M. A. The Concept of Postmodernism in K. Kurokawa's Philosophy of Metabolism // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 3. PP. 75–83.